

Какие условия порождают книги, подобные этой? И какого сорта люди становятся их авторами?

И когда в сочинении Альфреда Розенберга мы встретим места, знакомые современному читателю из бывшего СССР по более свежим и широко разрекламированным работам, каждый раз следует вспомнить: ОДНАЖДЫ ЭТО УЖЕ БЫЛО, И МЫ ЗНАЕМ, К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО. В нашей Бывшей Родине нет ни одной семьи, не потерявшей близких в борьбе против этих идей. Хотим ли мы, чтобы это повторилось? Хотим ли мы снова стать жертвами чего-то подобного? Или — хуже того — *соучастниками?!*

Так кто же такой Альфред Розенберг? Антихрист XX века, дьявольской хитростью совративший целую страну — страну поэтов и мудрецов? Злой гений пиара? Или просто — двоечник по практике, принявший себя за Спасителя, но не понимавший, чего на самом деле стоят его громкие слова и красивые обещания? И на Нюрнбергской скамье он оказался лишь потому, что «практику» свою выполнял за чужой счёт, не заботясь, кому и во что она обойдётся?

Как мы дальше увидим, наиболее вероятно последнее. Задолго до шутовской эпопеи А. Розенберга К. Маркс очень удачно высказался на этот счёт в предисловии 1869 г. к «*Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта*»:

«Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота <...>. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы <...>. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Маркс 1986 а: 3—4).

I.2. Критика Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси

В последние годы серьёзный критический анализ «*Мифа XX века*» предприняли философы-деконструктивисты из Страсбурга Филипп Лаку-Лабарт и Жан-Луи Нанси. Не пересказывая их книгу, приведём здесь её принципиальную схему — в том виде, как её изложили сами авторы, анализируя логику «*Мифа XX века*» Розенберга (нумерация пунктов — моя).

1. Критерий истинности нацистского мифа основан на двух принципах:

1а. На веровании (истинность мифа доказывается не логикой, а духовным опытом и переживанием);

1б. На том, что природа и цель мифа «требуют воплощения в какой-то фигуре или в каком-то *типе*» — Gestalt (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 48). Именно здесь авторы говорят о том, «что нацистский миф — это миф Мифа, то есть миф творческого могущества» (: 49), даваемого слепой верой. Это понимание «Мифа» с большой буквы запомним, чтобы не смешивать его с обычным значением слова «миф».

2. Из вышеназванного критерия мифической истинности вытекает способ строительства мифа:

2а. «Следует пробудить могущество мифа — перед лицом абстрактных универсалий» (там же: 51), к каковым относятся наука, философия, и прежде всего — христианство и демократия.

2b. Для этого следует пробудить инстинктивную творческую силу народа и вовлечь в этот процесс весь народ (это вовлечение у Розенберга и называется «мистикой»).

2с. Поскольку «миф достигает истинности лишь тогда, когда он *проживается*» (: 52), то исповедание новой веры должно выражаться не высказыванием, а действием. Отсюда вся масса нацистских ритуалов — не как техника внушения, а как самоцель (: 53).

3. Следующие принципы относятся уже к конкретике того «Мифа», который избрали для себя нацисты, а именно **мифа избранной нации**:

3а. Раса держится не на языке, а на «крови».

3б. Преимущество арийцев — в их солнечном культе, потому что яркий солнечный свет не оставляет места полутени абстракций: «Миф солнца — это не что иное, как миф того, что выявляет формы как таковые — в их зримости, в срезе их Gestalt, в то же время это миф силы или тепла, содействующих самому формообразованию этих форм» (: 55). Иными словами, солярная мифология формирует чёрно-белое мышление, чего и хотели добиться. Далее называются три «поколения предтеч»: древнейшие индоевропейцы, античная Греция (в её специфической раздвоенности, представление о которой было основано на ранних идеях Ницше) и средневековые немецкие мистики — особенно Мейстер Экхарт.

4. Наконец, вопросы **тактики манипуляции с помощью Мифа**:

4а. Главная проблема современности заключена в «абстрактной, развоплощенной, бессильной двоякой идее индивида и человечества» (: 59, со ссылкой на речь Гитлера в рейхстаге 1937 г.).

4б. Место этих идей должно занять *Weltanschauung* — не столько, быть может, мировоззрение, сколько мирозерцание, миро-зрелище (*Welt + Schau*), не умопостигаемое, а эмоционально переживаемое.

4с. Эмоциональность этого «мировоззрения» означает, что оно может быть только религией, быть объектом веры. Отсюда же вытекает его абсолютная нетерпимость.

Этот анализ позволяет увидеть ряд уязвимых сторон «мифа о Мифе». Прежде всего — круг в доказательстве: то, что миф должен быть верованием (4с), выводится из того, что истинность мифа основана на веровании (1а). Сама по себе идея творческой силы мифа тоже не нова, она есть уже в Евангелии: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матф.17:20). Вообще, «мистический опыт» против рационального познания (1а, 4б) — это не ново, это было у всех мистиков: и у Мейстера Экхарта, к которому часто апеллировал Розенберг, и даже у А. Ф. Лосева с его православными симпатиями. Кстати, его критерий мифологической истинности вполне соответствует положению 1а: «Миф, несомненно, живет каким-то своим собственным пониманием истины; и заключается она в установлении степени соответствия текучей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью. Это — вполне ясно отличимая от всякой иной истинности чисто мифическая истинность. В основе ее лежит истина чуда» (*Диалектика мифа*, XII, 3 — Лосев 1991: 161). На самом деле то, о чём говорит А. Ф. Лосев, — это не истина, а правда (ср.: Бердяев 1909), и непонимание разницы между ними дорого обошлось человечеству. Об этом, однако, — в своём месте и в свой черёд.

Однако требование, чтобы суть мифа была непременно воплощена и чётко обозначена (1b), — это уже чуждо и платонизму (для которого материя — это вообще принцип искажения чистых эйдосов), и христианскому мистицизму. Здесь это назвали бы идолопоклонством. В развитой мифологии идентификации другие: не чёткое обозначение и изображение, а *символическое* указание на нечто, *не выражимое* в словах. Поэтому и платоническая, и христианская утопия может воплотиться в реальность лишь через события сверхъестественные: люди не могут построить собственными силами то, чего не могут себе чётко представить, им остаётся лишь надеяться на Бога, а пока выполнять лишь те нравственные требования, которые приложимы к реальным условиям. Стало быть, христианство, как и платонизм, исключает саму возможность тоталитарной попытки достичь утопии земными, политическими средствами. Требование же Розенберга, чтобы суть мифа была воплощена в некоем конкретном (и значит, реально существующем) гештальте, как раз к такой попытке и ведёт.

Способ строительства мифа (2а–2с) исходит из того, что мифологическое мировоззрение вполне способно заменить разумную мысль. Но это невозможно по определению: у них разные функции. Получается порочный круг:

«Миф в чистом виде не может служить мировоззрением (последнее требует дистанции по отношению к миру, чтобы “взирать” на него, чего нет в мифе). Но миф может заменять мировоззрение, побуждая к действию без рассуждения (как к ритуальному, так и к практическому) или запрещая его» (Гулыга 1987: 204).

Далее, пункт 4а — слабое звено всей конструкции. Действительно, западный мир запутался в проблеме: личность *и* общество, личность *или* общество. На этом и играл нацизм. Авторы приводят фразу Гитлера из речи в рейхстаге в 1937 г.: «Краеугольный камень программы национал-социализма в том, чтобы упразднить либеральное понятие индивида, равно как и марксистское понятие человечества, и поставить на их место понятие сообщества Volk¹⁵, укорененного в почве и соединенного узами одной крови» (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 59). Но это значит, что здесь и заключено слабое место нацистской идеологии: если идеи индивида и человечества *не будут противоречить* друг другу, нацизм лишается почвы под ногами. Конечно, это труднодостижимый идеал, но все «лёгкие» выходы ведут назад — к межплеменным войнам, поклонению «корове Сабале» (Маркс 1986: 101) и человеческим жертвоприношениям ради душевного комфорта временно уцелевших.

Если проблема — в том, что понятия индивида и человечества противоречат друг другу, стало быть, лекарство от всех бед — их непротиворечивый синтез. Но таковой явно невозможен: этого не допускают принципы диалектики. Более того, как показывает А. П. Назаретян (2004: 150—151 и сл.), любое развитие идёт в одном направлении — от устойчивого и равновесного состояния ко всё более неравновесному и невероятному. Сохранить устойчивость на этом пути любая система (от биологической до идеологической) может лишь за счёт внутреннего усложнения, что ведёт к укорочению срока жизни систем и к их ускоренной смене новыми. Поэтому *непротиворечивого* совмещения противоположностей «индивид — человечество» ждать не приходится. В лучшем случае это был бы ещё один миф. А стало быть, на этот раз, как и всегда, простой выход — не выход. Отныне и на веки веков мы лишены идеологической ясности, аминь.

¹⁵ Volk — народ (нем.).

Однако всё это касается в основном оценки значения мифа вообще, мифа как такового — в его специфическом нацистском виде. Содержания же его авторы касаются мельком, явно считая главным именно солярный культ. Между тем это не так, и сам Розенберг постоянно говорит именно о «Blutmythus» — «мифе крови». А ведь содержание предложенного мифа далеко не безразлично для того, как им собираются пользоваться.

1.3. Общий обзор «Мифа XX века»

*Он был врагом, боролся, побеждён. Он сеял зло, он строил злую науку.
Но из чего строил, что для этого находил и создавал? Надо разобраться.*

Л. С. Клейн (2000: 89) о Г. Косинне

«Миф XX века» в варианте 1934 года — это обширное сочинение, в котором скудость основных мыслей компенсируется упорными смысловыми повторами и натужной патетикой. Приведём его общую структуру:

Книга I: Борьба ценностей

- I. Раса и расовая душа
- II. Любовь и честь
- III. Мистика и действие

Книга II: Существо германского искусства

- I. Расовый идеал красоты
- II. Воля и инстинкт
- III. Стиль личности и деловитости
- IV. Эстетическая воля

Книга III: Грядущее Царство

- I. Миф и тип
- II. Государство и пользы
- III. Народ и государство
- IV. Нордически-немецкое право
- V. Немецкая народная церковь и школа
- VI. Новая мировая система (Staatensystem)
- VII. Единство сущности

При этом вся вторая книга посвящена в основном вопросам эстетики и понятию воли — по Шопенгауэру, но с авторскими поправками. Третья книга — конкретный проект той «державы», которая, по мнению автора, должна преодолеть ограниченность как монархий, так и республик и найти выход из кризиса XX века. На этом проекте мы подробно останавливаться не будем: что такое нацизм в действительности, знает любой нормальный человек. А вот первая книга — исторический миф, обосновывающий этот проект, и вот им-то мы в основном и займёмся.

«Миф XX века» ни в какой мере не может претендовать на научную ценность. Ссылочный аппарат, без которого немислимо серьёзное исследование, в нём убогий, обращение с цитатами — вольное. Заметно, что автор вообще не знал, как делается корректная ссылка. Даже среди писателей-мистиков Розенберг в этом отношении далеко уступает, например, Е. П. Блаватской, умевшей хотя бы грамотно ссылаться на современные ей научные работы.

Язык, которым написана книга, ниже всякой критики. Он не мог бы сойти даже за местный (скажем, ревельский) диалект: это просто язык полузнайки, «партий-